

ГЛАВА 01

Моя сестра стоит на палубе «Гладиана», а у ее ног валяется кто-то из команды.

Злой ночной ветер треплет белые волосы Эллы, а с кончика ее дуэльной трости капает кровь. Я выбираюсь из люка, и сестренка, обернувшись, устремляет на меня свирепый взгляд.

— Он не подчинился мне, — зло шепчет Элла.

— Что ты наделала?

Снова посмотрев себе под ноги, она плюет в сторону оглушенного человека.

У меня внутри все сжимается. Это Деклан из клана Макдугалов. Пожилой и всеми уважаемый ветеран. На куртке у него блестит зеленый жетон драйщика. Палуба у Деклана всегда блестит, белье выстирано, а в коридорах — ни пылинки.

Однако сейчас он без сознания и по лбу у него стекает кровь.

За спиной у Эллы небо пронзает зигзагом молния, выхватывая из темноты остальные суда эскадрильи. Сестра кривит губы, пристально глядя на меня.

В голове раздается тихий голос покойного отца: «Забери у нее трость, иначе и тебе достанется».

— Элла, — я стараюсь дышать глубоко и ровно, чтобы погасить злость, — Деклан — член моего экипажа, он не обязан подчиняться твоим приказам.

— Я принцесса Скайленда.

— И что?

Элла, прищурившись, молчит, но потом выдает:

— А ты — принц.

Я смотрю сестре в глаза и понимаю: мягко с ней говорить бесполезно.

— Титулом наделил меня дядя, а команда следует за мной из уважения, — объясняю, сделав шаг ей навстречу. — Принцесса ты или нет, этот корабль — мой. Ты не охотник. У тебя нет права применять силу к членам команды. Отойди от Деклана.

Элла угрожающе сжимает в руке трость, и я еле сдерживаю сердитую гримасу. С ней все время непросто. После шести лет разлуки мы наконец воссоединились, и я думал, что все станет по-прежнему, как когда мы еще были богатыми высотниками и жили в поместье Урвинов. Когда таскали с кухни печенье, случайно разбивали окна и оставляли под одеялами в кроватях гостей куличики из влажной земли.

Однако мы выросли из детских забав. Дядя отравил сердце Эллы, и теперь передо мной — незнакомое злобное создание.

— Элла, — повышаю я голос. — Отойди.

— Конрад, ему нельзя доверять.

— Деклан — пожилой человек.

— Он с кем-то разговаривал. — Сестра указывает в пустое небо. Поблизости парят три корабля моей эскадрильи, но до них отсюда не докричаться. — Больше на палубе никого, Конрад. С кем он общался?

— Деклан разговаривает сам с собой, — закипаю я. — Шепчет, смеется, поет... Он странный тип, зато отменный драйщик. Команда его любит. — От злости перехватывает горло. — Теперь — отойди.

Делаю еще шаг в сторону Эллы, и она вскидывает трость. Однако я быстро обезоруживаю сестру, едва не лишив ее равновесия. Потом нажимаю кнопку, вдвое уменьшая длину оружия. Некогда эта трость принадлежала нашей матери, и я надеялся, что, получив ее, Элла станет лучше. Вместо этого наследство только укрепило ее извращенное понимание силы.

— Верни. — Элла низко приседает, протянув ко мне руку, словно дикий зверь, готовый к броску. — Немедленно.

Под порывами жестокого холодного ветра я наклоняюсь к Деклану, проверяя пульс на шее. Сердце бьется, но все же старику нужна медицинская помощь.

— Все должно быть не так, Элла, — шепотом произношу я.

— Такова меритократия, брат. Высотники возвышаются, низинники падают.

— Это неверный путь.

Сестра молча смотрит на меня ледяным взглядом своих зеленых глаз. Кое-кто называет ее худшим из Урвинов, мол, она даже страшнее нашего дяди. Отцовское наследие — часть меня, впитавшая жестокие истины этого мира, — требует, чтобы я преподавал Элле суровый урок. Поколотил ее той самой тростью, которой она ударила Деклана.

Однако та часть, что я унаследовал от матери, верит в другой путь. В идею сострадания и возвышения через жизненный опыт.

— Нападать на членов моей команды неприемлемо, — говорю. — Драки — не в обычаях Охоты.

Элла фыркает:

— Нельзя велеть мне вести себя как охотник, а потом запрещать охотиться вместе со всеми. Я убила трех провлонов. Собственными руками.

— Провлоны — это тебе не стометровые горгантавы, Элла. К схватке с небесными змеями ты не готова.

— Ты даже не знаешь, к чему я готова.

Я покачиваю головой. Ну и как мне с ней быть, черт подери? Прошло три месяца с того дня, как мы воссоединились, а я уже устал от ссор. Элла со всеми цапается, рыщет по кораблю и подслушивает. И пусть она принцесса, у нее, оказывается, есть склонность к воровству.

У Родерика бесследно пропало несколько чертежей.

«Проучи ее, — снова шепчет отцовский голос. — Унизь. Сделай так, чтобы она никогда не бросила тебе вызов. В глубине души ты знаешь: Элла хочет того, что принадлежит тебе. Она метит в дядины наследницы».

Я присматриваюсь к сестренке. В ней слишком много от отца, а материнских черт не хватает. Вот только матерью Элле я быть не могу. Остается учить ее тому же, что прививала мне Элис из Хейлов.

— Конрад, — взбешенно требует Элла, — отдай трость.

Набалдашник в виде оленя поблескивает на конце материнской трости. Побоями Элли не исправить. Нет, ей требуется нечто, что не смог дать ей дядя.

И вот я бросаю оружие сестре.

Поймав его на лету, Элла смущенно моргает, однако затем идет к люку.

Преградив ей путь, указываю на Деклана:

— Ему надо в лазарет. И позаботиться об этом должна ты. Потом, когда он придет в себя, извинишься.

— Урвины не извиняются. Я тебе не слуга, и этого... никуда не поташу.

Она пытается обойти меня, но я снова заступаю ей дорогу.

— Прочь, — требует Элла.

— Ударь меня.

— Что?

— Ударь меня, и я тебя пропущу. Остаток ночи будешь вольна делать что захочешь.

Элла медлит. Если бы она прогнила насквозь, то ухватилась бы за предложение не думая.

— Ударь меня всего раз, Элла, и можешь идти.

Она задумчиво смотрит на меня, а потом сгибает ноги в коленях, принимая боевую позицию.

— Как пожелаешь.

— Эта позиция тебя замедляет, — серьезным тоном подсказываю ей.

— Крачий бред.

Я тяжело вздыхаю. Настоящих вызовов Элла еще не знала. Дядя, конечно, отправил ее охотиться на провлонов, и в этом она преуспела лучше меня, но, когда нас с мамой вышвырнули из дома, я добывал деньги в Низинной бойцовой яме, а потом ночами напролет мучился от голода, вслушиваясь в слабый кашель матери. Такой была моя жизнь целых шесть лет. Однако затем, на этом самом корабле, я возвысился, из вошившего ботинки драйщика стал капитаном.

Дядино воспитание не могло заменить Элле жизненный опыт.

— Выпрямись, — говорю, кружа вокруг сестры. — Подними трость.

— Отец не этому учил.

— Отец? Дядя тебе не отец.

— Он ничем не хуже. Дядя нас не бросил. Не ушел.

— А отец, значит, ушел? — Я делаю глубокий вдох, смирив гнев. — Элла, его убили.

— Он был слаб. Не мог вести за собой род Урвинов.

— Это слова дяди, — отвечаю с горечью в голосе.

— Просто я — как он.

Останавливаюсь. Мы на холодной палубе, где ледяной ветер обжигает кожу, и я стою перед той, кого годами мечтал спасти. Однако в сердце у меня — пустота.

— Элла, — говорю мягким голосом, — когда-то я и сам был таким, как ты. Подозревал всех подряд, злился попусту и ел один,

за отдельным столом в трапезной. Из меня двух слов было не вытянуть. Это ничего мне не дало. Зато став лучше, чем требовал от меня мир... я добился того, чем обладаю сегодня.

— Принцем сделался?

— Нет, я капитан «Гладиана», а это для меня значит больше, чем трон.

Элла с сомнением присматривается ко мне.

— Став лучше, говоришь? Чьи это слова?

— Мамины.

Подумав немного, Элла пожимает плечами:

— Я ее почти не знала.

— Ладно, — говорю, сердито взглянув на нее. — Используй то, чему обучил тебя твой «отец». Достань меня тростью хотя бы раз, и можешь идти.

— Ты свою трость оставил в каюте. Я бы предпочла дуэль. Иначе бой получится неравным.

— Неравным? — смеюсь. — Наш мир ничего не знает о равенстве. Впрочем, уверен, этот урок ты уяснила. Теперь тебе нужно, — говорю и, сделав паузу, заканчиваю: — усвоить мамины уроки.

— Это какие? — внимательно смотрит на меня Элла.

— Уроки сострадания и милосердия. Того, что истинная сила не в принижении других, но в том, чтобы помогать окружающим подняться. Истинные лидеры ведут за собой сильных.

— Ерунда.

— Думаешь, я слаб?

Она молчит.

Снова налетает ледяной ветер, сыпля на палубу редкими каплями дождя.

— Используй все, чему научил тебя дядя. — Делаю приглашающий жест рукой. — Давай.

Сплюнув, Элла снова принимает слишком низкую стойку... А в следующий миг бьет меня тростью. Она быстра; глаза дикие, движения — ловкие.

Однако я проворнее. Ее трость с шипением проносится мимо моей головы, не попадает в плечо, пронзает воздух вместо живота. Элла ругается от злости. Стратегия у нее — как у дяди: тот не любит затягивать поединок дольше чем на минуту. Претендуя на трон, дядя бросил вызов королю Фердинанду и убил его на арене секунд за десять.

Кончик трости чиркает по коже, но я все же успеваю уклониться. Элла продолжает колоть, а я отступаю на шаг, открыв дорогу к люку. Присмотревшись ко мне, сестра с победным видом направляется к спуску.

Однако я снова перехватываю ее.

Она хмурится и атакует с прежней яростью. Я пригибаюсь, захожу ей за спину. Элла не сбавляет натиска, отчаянно размахивая оружием. В какой-то момент ей почти удается попасть мне в челюсть, но, не рассчитав силу, она падает на палубу лицом вниз.

Если бы я слушал только уроки матери, то бросился бы к ней тотчас. Возможно, даже ослабил бы бдительность. Однако отец учил не доверять упавшему врагу, особенно такому, который нуждается в лошадиной дозе смирения.

Элла катается по палубе, изображая боль и страдания, а я терпеливо жду конца представления. В конце концов она вскакивает и отряхивается. Кажется, вот-вот закричит на меня. Ее всю трясет от злобы и негодования.

Подергивая пальцами, я готовлюсь к новой атаке, но вместо этого Элла опирается на материнскую трость и делает глубокий вдох, чтобы успокоиться. Потом окидывает меня гордым взглядом.

Легкая морось перешла в ливень. Белокурые волосы Эллы липнут к разгоряченным красным щекам.

— Что это значит? — тихо спрашивает она. — Что значит быть лучше, чем требует от тебя мир?

Во мне неожиданно расцветает надежда. Это еще не прорыв, так, проблеск света вроде трепетного пламени свечи во тьме, но уже кое-что. Однако я месяцами ждал подобной возможности.

— Помоги отнести Деклана вниз, — говорю, — и я все расскажу.

Посмотрев на меня, Элла выпрямляется, затем складывает трость и цепляет ее к поясу.

— Ладно.

В груди немного теплеет. Похоже, я раскрыл секрет: понял, как завладеть вниманием Эллы. Она уважает силу, и, возможно, используя эту ее черту, я смогу наконец стать старшим братом, каким хотела бы видеть меня мама.

Мы подходим к небольшому пульта, который недавно установил Родерик, и жмем на кнопку. В открывшийся люк поднимается оружейная платформа. На ней — контейнеры с гарпунами, ручными метателями, зенитками и пушками.

Ухватив Деклана под мышки, бережно перетаскиваем его на платформу. И под звон цепей, чувствуя присутствие матери, я передаю Элле уроки и мудрость Элис из Хейлов, которыми та не успела поделиться с дочерью.

ГЛАВА 02

Делаю Деклану укол, и вскоре драйщик вяло приоткрывает глаза. Элла стоит, прислонившись к белой стене, смотрит, как он медленно садится, а я тем временем подтыкаю ему под спину подушку.

Деклан по-прежнему ощущивает лоб и озирается по сторонам, когда Элла решает прервать молчание:

— Прости.

Ее слова звучат сухо и холодно.

Деклан же, покашляв, сует палец в рот. Кривится от боли: у него лопнула десна.

— Ты напала на меня, принцесса.

— Да, а потом извинилась.

Он поднимает на нее взгляд:

— Неискренние извинения — это пустой звук.

Сестра переводит на меня раздраженный взгляд. Потом с приторной теплотой извиняется снова.

— Элла, — сердито одергиваю ее.

— Прости, капитан, — говорит Деклан, — но, если извинения выдавить, они значат и того меньше.

— Она просто не умеет извиняться, — объясняю.

Драйщик озадаченно выгибает бровь.

— Больше этого не повторится, Деклан, — обещает Элла.

Деклан молчит, сообразив, видимо, что большего от нее не добьешься, и кивает. Ее ведь, как и всех Урвинов, учили, что это перед нами все извиняются, а сами мы ни у кого прощения не просим.

— Элла, можешь идти, — говорю.

Посмотрев на меня, затем на Деклана, сестра молча уходит.

Деклан чешет заросшую седой щетиной щеку. Вид у него усталый, глаза воспаленные. Я похлопываю его по плечу. Этот шестидесятилетний ветеран оказался в команде, членам которой — от шестнадцати до восемнадцати. Когда-то он был капитаном собственного корабля и заработал кучу денег. Поразительно, как после сорока лет охоты умудрился остаться целым и невредимым. Многие наши собратья по цеху в борьбе с горгантавами теряют конечности, а кому-то достается и того хуже.

Под рукавами серебристой формы у Деклана бугрятся мускулы. Он одет как все охотники: черная куртка, перчатки и крепкие магнитные ботинки. На шее висят ветрозащитные очки.

Я взял Деклана в экипаж «Гладиана», потому что он хочет завязать с профессией, напоследок передав знания новому поколению охотников. Через полгода, во время очередного призыва, он планирует списаться на берег и остаться работать в доках Венатора или преподавать в Академии.

— Почему она напала на тебя, Деклан?

— Хотела дуэли, — со вздохом отвечает он. — Я напомнил, что драки не в обычаях Охоты. Принцесса как рогом уперлась, и тогда я сказал, что не стану биться с мелкой девчонкой. Сообразить ничего не успел, как очутился тут.

— Больше ни с кем на палубе не разговаривал?

Он удивленно моргает.

— Я торчал там один, пока не появилась принцесса.

Вздохнув, я снова хлопаю его по плечу:

— Прости.

— Ну хоть ты знаешь, как извиняться.

Старик с кряхтением встает с койки. К счастью, разработанные цехом Науки лекарства действуют быстро. И все же Деклану надо поберечь себя.

— Отдохни немного, — говорю, — и отлежись завтра.

Кивнув, драйщик вразвалочку идет к двери, но у порога останавливается.

— Капитан... я много людей повидал, но сломленные мне попадались редко. — Он оборачивается. — У них как будто что-то не так внутри.

Я пристально смотрю на него, не зная, что сказать. Бледнею, однако выражение лица сохраняю бесстрастное.

— Доброй ночи, Деклан.

— Капитан.

Дверь закрывается, и, выждав несколько секунд, я присаживаюсь на край койки, придавленный гнетом ответственности. Дядин яд проник не только в сердце Эллы, он пропитал ее целиком. Впрочем, сестренка — лишь одна из моих проблем. Есть еще кое-что, что наполняет меня тревогой. От чего я лишился покоя, а голова трещит по швам.

Война.

Покинув палату, иду тихими темными коридорами. Неумолчно, словно живой, гудит корабельный двигатель. Я миную каюты, прохожу мимо товарищей: Громилы, Родерика и Китон.

Наконец останавливаюсь у одной из дверей.

Брайс нужна нам как никто, однако и с ней не все гладко. У нее мания преследования, она почти не спит, будит команду по ночам, когда на палубе ей что-то мерещится.

Громила твердит, что у Брайс едет крыша.

Вздохнув, иду к капитанской каюте. Элла уже там, лежит на кровати в дальнем конце помещения. Взяв сестру к себе на борт, я сразу отдал ей кровать, а сам теперь сплю на диване. Так мне же проще, ведь я часто не ложусь до глубокой ночи.

На столе — стопка бумаг, планы, составленные Громилой, нашим стратегом в этом сезоне. В открытом небе нас подстерегают множество опасных зверей. Тварей вроде плюющих кислотой ацидонов или бодающихся орконов. Однако они не идут ни в какое сравнение с горгантавами восьмого класса, которые в последнее время встречаются все чаще. Убивая этих созданий, мы помогаем Скайленду, а отвозя их туши на охотничьи заставы, получаем деньги. На них я выкупаю этот корабль, чтобы он стал моим — и только моим — и никто не мог его отнять.

Я смотрю на доску, где записываю, сколько заработал: пока что набралось триста тысяч монет, а всего требуется миллион.

От усталости в глазах песок. Ладно, об охоте побеспокоюсь завтра, тогда же ознакомлюсь с планами Громилы.

Сажусь на диван и скидываю ботинки. В иллюминатор бьются капли дождя; тихий шелест немного ослабляет мое напряжение. Накрывшись мягким одеялом, укладываюсь на бок и закрываю глаза.

Снаружи вспыхивает молния. Я отворачиваюсь и устраиваюсь поудобнее, стараясь не обращать на нее внимания. Однако раскаты грома не дают покоя. Ложусь на спину и смотрю на другие три охотничьих корабля, что парят вблизи «Гладиана». За мокрым стеклом они больше напоминают размытые тени.

Эти три борта тоже под моим началом. Дядя хотел, чтобы я взял на себя больше ответственности, и вот теперь мы тут, посреди открытого неба, помогаем защищать от небесных змеев уязвимые линии поставок. Каждый из тех, других, кораблей сделан из чистой стали горгантавна; их гладкие серебристые корпуса — точная копия «Гладиана». Палубы щетинятся турелями, а острые носы, похожие на кончики мечей, пронзают облака. В некоторых иллюминаторах виднеется красное свечение теплошаров.

После очередной вспышки молнии скидываю с себя одеяло. Не могу спать, когда снаружи словно бы грохочет битва, а мысли — только о войне.

Сажусь.

Три месяца назад Нижний мир вторгся в нашу жизнь, неожиданно заявив о своем существовании и выпустив свое величайшее оружие, погубившее сотни тысяч невинных. Это Нижний мир создал жутких небесных тварей, а его солдаты тайно наводнили наше общество. И если Брайс чему-то научила меня, так это тому, что ее народ предпочитает нападать ночью, когда темно и холодно.

Я снова опускаюсь на мягкий диван. Отдохну совсем чуть-чуть, секунду-другую. Дам себе ненадолго ощутить невесомость, поддаться манящим объятиям грез. О, какое славное одеяло. Такое мягкое. Нежно обнимает за плечи, согревает ноги.

Мое дыхание становится мерным и спокойным.

* * *

Запонка-коммуникатор вспыхивает, и я слышу крики: «Полундра! Свистать всех наверх!»

Толком еще не проснувшись, вскакиваю на ноги.

Из соседнего отсека каюты долетает крик Эллы:

— Что происходит?

Я постепенно собираюсь с мыслями, и сердце начинает бешено колотиться.

— Элла, — велю сестре, — оставайся тут.

— Черта с два!

— Сиди тут!

Камень в запонке снова вспыхивает, и на сей раз я слышу голос Брайс:

— По боевым постам!

Теперь сердце стискивает страх. На нас напали. Натянув ботинки и накинув куртку, я выбегаю из каюты. В коридорах перекрикиваются сонные члены команды. Взобравшись по трапу, я открываю тяжелый люк и вылезаю на палубу. Готовлюсь к войне.

Нижний мир пришел за нами.

ГЛАВА 03

Вокруг клубятся хмурые облака, хлещут порывы ветра, а Брайс, стоя на носу «Гладиана», лихорадочно тычет пальцем куда-то в небо.

— Тревога! — кричит она в коммуникатор. — Свистать всех наверх!

Нацепив очки, спешу к ней:

— Брайс? В чем дело?

Она взваливает на плечо ручной гарпуномет, и в этот момент молния очерчивает ее силуэт.

— Они идут, — говорит Брайс.

Дождь заливает мне глаза, но я сдергиваю с пояса подзорную трубу и вглядываюсь в небо: вокруг только мои корабли; бурлящие, точно живые, тучи — и никаких врагов или зверей. Ничего.

— Кто? Где? Брайс...

Камень-коммуникатор начинает светиться: капитаны с других бортов докладывают, что тоже никого не видят. Однако члены их команд уже закидывают на плечи гарпунометы.

Брайс хватается за шею, морщится, а потом выкрикивает:

— По боевым постам!

— Но ведь ничего нет! — сообщает по коммуникатору капитан «Секуриса» Чу Вон. — Куда смотреть?

Прибывают члены моего экипажа. Родерик, мастер-канонир, выглядит помято, баки у него всклокочены. Он таращится на нашего квартирмейстера, и у него от раздражения подергиваются глаза. Это уже третий случай, когда она поднимает всех по тревоге. Китон, подскочив к Родерику сзади, хватается за мускулистую руку, пока он не сорвался и не набросился на Брайс.

Следом из люка вылезает Дрейк, штурман. Глаза у него опухли от недосыпа. Мы его совсем загоняли, и во время последней охоты он даже чуть не упал в обморок. Следом показывается Арика, на груди у которой поблескивает бирюзовый жетон кока.

И, наконец, поднимается самая огромная куча крачьего дерьма, Громила. Угрюмый лысый амбал ростом два с лишним метра. Самое страшное, что ему всего семнадцать: он не намного старше меня.

То есть может еще вырасти.

— Ну, Брайс, и где они на этот раз, черт подери? — грозно спрашивает он. — Снова ты всех просто так разбудила? А?

— Присмотрись, капитан, — отчаянно молит Брайс, указывая пальцем в клубящиеся облака. — Смотри.

Я со вздохом оборачиваюсь к грозовым тучам.

Рядом встают еще несколько членов команды. Мы глядим в подозрные трубы: серая масса бурлит, словно живая. Брайс нетерпеливо показывает на нее — в самой гуще правда мелькают две тени. Я прищуриваюсь, и постепенно мне удастся различить... островок, угодивший в шторм.

Я, выдохнув, убираю подозрную трубу и нежно кладу руку Брайс на плечо:

— Тебе надо поспать.

— Нет, Конрад.

— Ты устала и сама не своя.

— Нет!

Постучав по камню-коммуникатору, вызываю на связь корабли:

— Ложная тревога. Возвращайтесь спать.

В ответ слышится ругань. Эскадрилья и так недовольна потерей корабля. Несколько дней назад горгантавн раздавил одно из судов, «Гаст», в своих кольцах. До сих пор помню, как кричал экипаж, некоторые даже прыгали за борт. Мы устремились за ними, но не успели — нет, я не успел, — и моих людей поглотили кислотные облака.

Закрываю глаза и пытаюсь прогнать мысли о «Гасте». Надо сосредоточиться на тех, кому я еще могу помочь. Моим людям нужен отдых, но они не получают его, потому что Брайс сходит с ума. А ведь она квартирмейстер и ей положено быть собранной, организованной. Если бы Китон не была феноменальным механиком, я бы, наверное, снова отдал эту должность ей.

Еще я боюсь, что капитаны других кораблей относятся к Брайс с подозрением. Если они выяснят правду о том, кто она на самом деле...

— Громила, — велю нашему стратегу, — отведи квартирмейстера вниз.

— Нет! — истошно выкрикивает Брайс.

— Вколю ей снотворного, — говорит, надвигаясь на нее, Громила.

Брайс пятится, бормочет:

— Никто меня не слушает.

— Брайс, — осторожно произносит Китон, — мы тебя слушаем. Но ты продолжаешь будить людей попусту. Мы тебе только добра желаем.

— Нет, — вскидывает кулаки Брайс. — Громила, не подходи.

Остановившись, здоровяк пристально смотрит на нее. Она чертовски свирепа и не сдастся, не сломав кому-нибудь нос. Громила кидает на меня вопросительный взгляд.

Я устало массирую лоб. Что прикажете делать? Может, запереть Брайс в каюте? И пусть отдохнет?

Неохотно я киваю.

Брайс отталкивает протянутые к ней руки, трясет головой, и тогда Громила решительно кидается к ней... В тот же миг грохочет взрыв, и все заливают ослепительным светом. Нас накрывает волной жара. Я с криком кубарем лечу через всю палубу, прямо в страховочную сетку, натянутую вдоль борта. Голова идет кругом, в ушах звенит.

Выпав обратно из сетки, с трудом поднимаюсь на ноги. По щеке течет кровь.

В небе полыхает огонь.

Проклятье! ПРОКЛЯТЬЕ!

Ближайший к нам корабль, «Мортум», охвачен языками золотистого пламени. Стройный корпус рассекает пополам огромная трещина. Нос заваливается вперед, и наконец сталь со стоном разрывается. Вся передняя часть корабля летит вниз.

Люди падают.

Нет. Только не это. ОПЯТЬ!

Из коммуникатора раздаются испуганные голоса команды «Мортума». Им надо помочь. Нельзя никого терять. Я никого не потеряю!

Выкручиваю мощность магнитных ботинок до максимума, и пятки прилипают к палубе.

— ПО БОЕВЫМ ПОСТАМ! — команду я.

Громила с Родериком несутся к турелям. Запрыгивают в кресла и пристегиваются. Брайс выпускает гарпун в пустое небо. Арика бежит к оружейной платформе за боеприпасами. Китон торопится к люку, ей нужно вниз, к двигателю. Дрейк же кидается к нажимной пластине, чтобы подвести нас к «Мортуму».

— Спасайте команду! — кричу я в коммуникатор. — Спасайте...

И замираю. Рядом с тем местом, в которое стреляла Брайс, промелькнуло нечто. Это... это голова огромного зверя: бурая чешуя из металла, изогнутый клюв. Чудовище похоже на морскую черепаху в серебристом панцире.

- Какого дьявола? — произносит Громила.
- Просто вали его! — кричит в ответ Родерик.

Развернув турели, они вдвоем выпускают в чудовище толстые черные гарпуны. Дрейк тем временем вскакивает на пластину, оказываясь внутри стеклянного пузыря.

Внезапно пасть гигантской черепахи озаряется светом.

- Дрейк, гони! — кричит Брайс.

Монстр плюет в нас электрическим разрядом, но Дрейк уже вытянул рулевые струны вперед, и мы резко стартуем. Встречный ветер бьет в грудь — я даже приседаю, чтобы не завалиться назад. Молния проходит мимо.

— Монстр исчез! — ревет Громила, крутясь вместе с турелью. — Куда подевался?

Я слизываю дождевые капли с губ. Кормовая часть «Мортума» все еще в небе.

— «Секурис», — обращаюсь по коммуникатору к другому кораблю. — Спасите экипаж «Мортума».

- Есть!

«Секурис» устремляется к остаткам «Мортума», пока мы с «Титом» следим за небом.

- Это что еще за тварь такая? — спрашивает Родерик.

- Тортон, — задыхаясь, произносит в коммуникатор Брайс.

— Тортон? — переспрашивает Арика. — Нас не учили сражаться с такими.

- Просто раньше их не было, — отвечает Брайс.

- И как нам убить его? — интересуется капитан «Тита».

— Когда появится, — говорит Брайс, заряжая гарпуномет, — цельтесь в голову.

Мы кружим над «Секурисом», прикрывая его, пока перепуганным членам экипажа «Мортума» скидывают тросы. Их спасательные шлюпки уничтожены, а корабль все еще падает. Что еще хуже, несколько членов команды застряли на нижних палубах.

— ВОЗВРАЩАЕТСЯ! — кричит Брайс.

Ее гарпун уходит в небо, скользнув над самым панцирем тортона.

Исполинская черепаха выпускает в нас разряд.

— Дрейк, — срывая горло, кричу я, — ле...

Молния бьет прямо в кабину штурмана, и я чуть не глохну, потому что весь корпус «Гладиана» гудит от удара.

Родерик с Громилой с ревом палят по чудовищу.

Дрейк бьется в конвульсиях, выпучив глаза, а когда судороги стихают, он, окутанный дымом, падает. Выпустив рулевые кольца, штурман валится с платформы на палубу.

Бегу к нему. Ноги болят из-за перегрузки, ведь их держат магнитные ботинки. Остановившись, падаю на колени рядом с Дрейком. Арика в панике опускается рядом.

Дрейк все еще слегка подергивается. Половина лица у него обуглилась, по губам стекает кровь из прокушенного языка, а горящие волосы шипят под дождем.

В конце концов Дрейк замирает. Проверив у него пульс, Арика сокрушенно смотрит на меня исподлобья.

Я оцепенело встаю.

Арика же оттаскивает труп Дрейка к страховочной сетке, чтобы его не выбросило за борт.

Из камня-коммуникатора внезапно снова раздаются крики: «Мортум» падает. Трое отставших членов команды сумели наконец выбраться на верхнюю палубу, но корабль снижается к кислотным облакам слишком быстро. «Секурис» ныряет следом, сбросив еще веревки.

Резко вынырнув из ступора, я бегу к перилам. Хочу уже отдать команду, чтобы и «Гладиан» летел за тонущими, но кораблем никто не управляет. «Секурис» тем временем в отчаянном рывке приближается к «Мортуму», чтобы терпящие бедствие схватились за тросы... И не успевает. «Мортум» входит в черные облака, подняв

фонтан ядовитых брызг. Из сияющего камня в коммуникаторе раздаются последние крики тех, кого сейчас пожирает завеса.

А потом они смолкают.

— Он вернулся! — кричит Брайс. — Правый борт!

Потом бежит к рулевой платформе, вскакивает на плиту. Несколько секунд — и «Гладиан» с ревом возвращается к жизни. Тортона — справа от нас, появился словно из ниоткуда. Громила с Родериком стреляют в него гарпунами. «Тит» и «Секурис» тоже атакуют его.

В пасти у монстра зажигается свет.

Я стискиваю зубы. Вот же гад! Схватив с платформы гарпунomet, взваливаю на плечо тяжеленную пушку и смотрю в окуляр прицела. Жму на спуск. Снаряд устремляется в грозовое небо, летит прямо в основание шеи гигантской черепахи. Хлещет фонтан белой крови, и монстр, вереща, вновь пропадает.

— Отличный выстрел, Конрад! — кричит Громила.

Я почти не слышу его, потому что перезаряжаю гарпунomet. Кожу покалывает от гнева.

Снова появившись, черепаха сечет палубу разрядом. Громила едва успевает пригнуться — еще немного, и остался бы без головы, — а Брайс дает полный вперед.

Вильнув кормой, уходим в небо и проносимся между «Титом» и «Секурисом». Туда, где только что был тортон. Ветер бьет мне в разгоряченное от гнева лицо.

Однако тварь, наделенная каким-то маскировочным механизмом, пропала. Скрывается, не давая врезать по ней со всей силы.

— На его борту люди, — сообщает Брайс. — Внутри тортонa.

— Внутри?! — переспрашивает Громила. — Что, прямо в кишках у него бултыхаются?

— Нет. Под панцирем скрыта кабина.

Дергаемся влево, затем вправо. Брайс мечется из стороны в сторону, однако чувствую, что она следует некой схеме. Откуда-то знает, где искать тортонa. Или просто догадывается.

— Брайс, ты правишь как пьяный лотчер! — орет Родерик.

За нами следуют «Секурис» и «Тит». Пытаются повторять наши беспорядочные маневры.

Я одной рукой держусь за поручень, чтобы устоять на ногах. Брайс неожиданно тянет струны к поясу, и Громила, чуть не разбив лоб о панель управления турелью, сыплет руганью.

Встают и другие два корабля.

Через миг слева ударяет новый разряд электричества. Теперь цель тортона — «Тит», но он успевает уйти в сторону. Дуга лишь слегка задевает корму.

Мы резко берем лево на борт.

— Зенитки, — подсказывает Брайс. — Сполохи помогут обнаружить монстра.

Родерик с Громилой дергают за рычаги на турелях, активируя новую функцию, придуманную нашим мастером-канониром. И вот уже в небе золотыми светлячками полыхают разорвавшиеся зенитные снаряды. Все три борта дают залп, наполняя небеса светом. Жаль, но из-за дождя искры быстро гаснут. Родерик с Громилой не сдаются, делают выстрел за выстрелом, посылают волну за волной, и неожиданно вспышки подсвечивают округлый силуэт: это панцирь тортона.

Монстр снова становится видимым и атакует. Раскрывает пасть, в которой брезжит свет.

— Брайс, вниз!

Она выбрасывает руки перед собой, и «Гладиан» уходит в пике. В лицо хлещет ветер. Разряд проходит над нами и бьет по «Титу». Я в ужасе взираю на то, как корабль разрывается, охваченный пламенем.

— «Тит»! — кричит Арика.

Корабль разваливается надвое. Проклятье, «Тит»! Но я пока не могу помочь им. Надо покончить с этой проклятой тварью, пока она не расправилась со всеми нами.

Родерик забрасывает тортона зенитными снарядами, не давая ему пропасть из виду. Громила дергает за другой рычаг, переводя

турель в режим автоматического огня, и она выплевывает гарпун за гарпуном. Снаряды чертят по панцирю, словно он из песка.

— СДОХНИ! — ревет Родерик.

Мы с Арикой заряжаем гарпунометы. Стреляем. Плечо гудит от отдачи, а гарпуны несутся сквозь штормовое небо... прямо в глаз гигантской рептилии.

Зверюга со стоном, кувыркаясь в воздухе, начинает падать. Этот тортон может поджарить противника, но сам при этом удар не держит. И вот он летит вниз, а «Тит» между тем продолжает гореть. Мой коммуникатор разрывается от предсмертных криков его команды. И тортона, и корабль мне не спасти.

— «Секурис», давайте за «Титом», — кричу в запонку. — Брайс, мы — за тортоном! У его пассажиров может быть важная информация!

Брайс натягивает струны, и мы падаем вслед за чудовищем.

— Родерик, — говорю. — Когтепушка.

— Есть.

Я держусь за перила, сосредоточенный на падающем звере. Ветер чуть не срывает очки, полощет мне волосы, треплет обмякшие лапы монстра.

Родерик тянет за рычаг на панели управления, и ствол для стрельбы гарпунами сменяется когтепушкой. Крюк на цепи, которым она пальнет, зацепится за тушу тортона. Правда, мы окажемся связаны с ним, и если вес чудовища больше нашего, то потонем следом. Надо рискнуть. Эта чертова тварь в считанные минуты уничтожила два корабля класса «Хищник».

Родерик разворачивает турель и наводит пушку. Сделав вдох, задерживает дыхание и жмет на спуск. Снабженный когтями крюк выстреливает вслед поверженному монстру. Попадает в лапу. Или это лапа? Черт знает, что там у этого создания. Вот только конечность отрывается с корнем, и тортон продолжает падение.

— Брайс! — кричу я.

Ее руки дрожат, но она с криком выжимает из корабля максимальную скорость, лишь бы мы успели за тортоном. Из-за дождя плохо видно. Родерик лихорадочно делает еще выстрел из когтепушки, но тут тортон падает в черные облака, и те вспучиваются. Пожирают зверя, его панцирь и всех, кто внутри.

Брайс чертыхается, оттягивая на себя струны, выравнивая нас, пока мы сами не угодили в кислотный барьер.

Громила в сердцах хватается кулаком по турели:

— Черт!

Меня мутит от разочарования, и я закрываю глаза. Потеряны два судна. Дрейк погиб — и не он один, — а тортон упущен.

Я опускаю голову, упершись руками в перила. Команда молчит. Родерик замирает, заметив тело Дрейка. Громила тоже. Брайс медленно и печально разворачивает корабль, поднимая нас к «Титу». Он полыхает, объятый ревущим пламенем. Зато хотя бы часть команды спаслась на шлюпках, что покачиваются на ветру неподалеку.

Их подбирает «Секурис».

Когда мы останавливаемся возле кораблей, я даже не знаю, что сказать. От стыда не поднять глаз. Вина целиком на мне. Брайс оказалась права: в небе и правда рыскал монстр — возможно, преследовал нас несколько дней, — а я не верил. Люди погибли из-за того, что я не прислушался к Брайс.

«Тит» начинает медленно опускаться. Его уже не спасти. Ладно хоть «Секурис» выручил экипаж. Вот только эскадрилья, в которой изначально было пять кораблей, самых продвинутых в охотничьем флоте, сократилась до двух.

Я взглядом провожаю «Тита».

— Брайс, — тихо обращаюсь к ней через коммуникатор, — есть еще тортоны поблизости?

Она медленно качает головой.

Тогда я сбрасываю с плеча гарпуномет, и он с лязгом падает на палубу. Капли дождя холодят мне кожу. Не знаю, как быть: плакать, кричать или делать и то и другое.

Сойдя с нажимной плиты, Брайс покидает рулевую платформу. Не будь я так разбит, прямо сейчас кинулся бы к ней и потребовал объяснений. Почему она не сказала про тортона? Почему вообще ничего не говорит?

Громила отстегивается от кресла стрелка. Чувствуется, что он сам сейчас припрет Брайс к стенке. Однако, заглянув ей в глаза, он медлит. Понимает, как она измождена. И Брайс, сделав еще один нетвердый шаг, падает на палубу ничком.

— Что за брань? — ахает Родерик, отстегиваясь.

Я быстро подхожу к Брайс и опускаюсь возле нее на колено. Родерик обеспокоенно выглядывает у меня из-за плеча. Прижимаю пальцы к шее Брайс — пульс есть. Она дышит. Поднимаю ее с палубы; Арика идет следом за мной. Так-то она кок, но имеет и кое-какое медицинское образование.

Громила тем временем бережно вынимает из сетки тело штурмана. Дрейк был самым младшим из нас. Участвовал в том же Состязании, в котором мы учились быть охотниками, успел послужить на другом корабле... И вот его не стало.

Я почти не чувствую веса Брайс.

Хочется о многом ее расспросить. Откуда она узнала, что поблизости тортон? Она словно ощутила его присутствие. Но как? Или... вдруг она почуяла не само чудовище, а людей внутри его панциря? Она ведь упомянула о них.

Я уношу ее, а «Тит» тем временем падает. Пылающим факелом уходит сквозь бурю. Достигает наконец кислотных облаков, подняв большой всплеск, и на миг чернота озаряется изнутри огненным сполохом. Но потом и этот свет пропадает. Ничего больше нет.

Родерик зажмуривается. Мы все смотрим на черные тучи, на барьер, отделяющий нас от Нижнего мира.

Тишину неожиданно нарушает голос Громилы, басом затянувшего «Песню падения». Это трепетная баллада для тех, кого забрало великое небо. Ее ноты призваны напоминать: какими бы

могущественными мы себя ни считали, в самом конце объятия смерти всех уравниют. Вот уже и остальные члены команды подхватывают песню, а следом — и на «Секурисе». Ее строки цепляют за душу, каждый раз вырывая из нее по кусочку.

Надломившимся голосом я тоже пою.

Когда смолкает последний аккорд, никто не произносит ни слова. Возможно, потому, что все мы уверены: песню об ушедших придется исполнять еще не раз.

ГЛАВА 04

Уложив Брайс на койку, сам присаживаюсь с краю. Брайс крепко спит, впервые за последние несколько дней, и я беру ее за руку — в надежде, что, проснувшись, она станет прежней. Той девушкой, которую я помню. Но если в это время нападёт ещё тортон...

Впрочем, на ночь мы забились в расщелину на одном из островов. В круглый иллюминатор видны голые камни — и ничего больше. Обнаружить нас тут будет не так-то просто.

Я крепче сжимаю руку Брайс. Хотя... кого я сейчас пытаюсь утешить: ее? Или себя?

— Эскадрилье конец, — произношу в тишину каюты.

Потеряно три корабля, Дрейк погиб — как и многие другие почетные охотники, мужчины и женщины, закаленные профессионалы, которых дядя набирал лично. Еще неделю назад мы в полном составе бороздили небеса. Работали с непревзойденной эффективностью, убивая небесных змеев. Даже буксировали их туши по очереди к заставам, пока остальные охотились дальше. Линии снабжения оставались чисты, а мы набивали карманы.

Деньги текли рекой.

Мои люди были довольны.

А что теперь?

Я опускаю голову. Только этим вечером я говорил Элле, что лидеры ведут за собой сильных, ибо рождены быть первыми. Но как я могу называть себя лидером, если привожу корабли к гибели?

Я со вздохом оглядываю простенькую обстановку. Когда-то здесь жила еще и Китон, но потом она перебралась к Родерику, и теперь вся каюта в распоряжении Брайс. На столе стоит глиняная скульптура. Еще до того, как Брайс начала вести себя странно, она в свободное от охоты время лепила чей-то портрет — это парень с короткими торчащими волосами и суровым взглядом. Всякий раз, глядя на него, я ощущаю укол ревности. Брайс так на него смотрит... С теплом и с любовью.

Впрочем, лепка помогает Брайс успокоиться. Она сама как-то призналась, что не думала идти в охотники. Вместо этого мечтала попасть в цех Искусства. Поэтому я не удивился, когда на свою долю от первой награды она купила инвентарь для художника: масляные краски, глину, трафареты и даже мольберт, который Родерик для нее прикрутил к полу.

Выдыхаю.

Все силы и заработок я вкладываю в «Гладиан». За прошедшие три месяца выплатил почти треть его стоимости. И пусть я принц, формально корабль не мой, он принадлежит цеху. После победы в Состязании можно не опасаться мятежа всего год, и если в ближайшие девять месяцев я не сумею выкупить судно, а команда решит, что лидер из меня паршивый, то прощай, капитанское звание.

Закрываю глаза. Если после сегодняшнего команда взбунтуется, ее никто не станет винить. Может, я даже снова опущусь в драйщи-ки, и тогда дядя откажется от меня. Впрочем, команда «Гладиана» вряд ли предаст: многие из них мои друзья, хотя меритократия — штука коварная, даже лучших из нас превращает в зверей.

Я накрываю Брайс одеялом и кладу руку ей на плечо. Потом выхожу в коридор.

Мне бы сейчас к себе в каюту, лечь спать, но Элла там, наверное, ждет не дождется, когда я расскажу все о битве с тортоном.

К тому же мне еще надо кое с кем поговорить. С тем, кого я ненавижу.

Кладая подошвами по ступеням трапа, спускаюсь на нижний уровень корабля. Там прохожу по тускло освещенному кристаллами коридору в своеобразный каньон, образованный контейнерами с продуктами и пустыми баками из-под воды. Это наш трюм, самое большое помещение на борту. Контейнеры почти все опустели, и нам нужно пополнить припасы.

Нижняя палуба вызывает у меня неприятные воспоминания. Здесь холодно, тихо и словно до сих пор стоит вонь одного коварного типа, которого мы держали тут же, на губе.

Себастьяна.

Мне не забыть его мерзкую улыбку, обнажающую грязные зубы. А его прощальные слова как будто по-прежнему звенят эхом в этих стенах: «Придет день, наши пути вновь пересекутся, и вот тогда я сам тебя уничтожу. Это будет самая большая отрада моей жизни».

Встав у решетки, смотрю на разодранный матрас, в котором Себастьян прятал ножи, и на забитый тряпьем туалет. Сюда Элла редко суется. Видимо, это место внушает ей страх. Или здесь просто не за кем шпионить. Как бы там ни было, можно не опасаться, что она меня подслушает.

На всякий случай присматриваюсь к трапу — не мелькнет ли на ступенях тень — и только потом прислоняюсь спиной к стене из ящиков. Сползаю по ней на холодный пол. Поигрываю с небольшим кристаллом, особым коммуникатором, который выдал мне дядя. Я обязан сообщать обо всех полезных для военной кампании открытиях.

Подобрав колени к груди, молча сижу во мраке. Внезапно перед мысленным взором встает потрясенное лицо Дрейка из Норманов. Он был молод. А еще он был одним из лучших пилотов на моей памяти, и вот его не стало. Еще одна жертва войны.

Откидываю голову назад, упершись затылком в стену.

В Низине, когда мой желудок радовался любой еде, даже заплесневелому хлебу, я жаждал всего, чем обладаю сейчас: власти, ответственности, уважения.

А теперь...

Команда смотрит на меня и ждет ответов. Думает, я знаю, что делаю. Только ведь я и не подозревал о тортоне, а Брайс...

Дьявол, Брайс, что же ты не предупредила раньше?

Глаза пощипывает.

В голове я слышу нежный мамин голос: «Никогда не запирай своих чувств, Конрад. Это лишь наполнит тебя ядом, и однажды ты просто не выдержишь. Сорвешься, причинишь вред самым дорогим и близким тебе людям».

Мамина мудрость раньше согревала меня, однако сейчас я чувствую холод и пустоту. Такова меритократия: нельзя показывать слабость, и все же я медлю с разговором.

Возможно, я не создан для лидерства.

Представляю, что будет, если поделиться этой мыслью с Эллой. Она меня потом точно никогда всерьез не воспримет. Отец? Он бы выбил из меня сомнения тростью. Как тогда на площади Урвинов: «Только посмотри на себя, сопливое ничтожество, — бросил он, ходя кругами. — Нельзя показывать слабость, Конрад! Вставай. Сразись со мной. Покажи дух Урвина».

Я с трех лет фехтовал с отцом. Какое-то время он дрался играючи, но затем, спустя два года, когда я наловчился сносно владеть учебной тростью, обрел чувство равновесия и стал проворнее, когда умел уже исполнять пируэты и переходы, он прекратил себя сдерживать.

После схваток я неизменно валялся в луже собственной крови.

— Вот ты где, — внезапно доносится с трапа.

Увидев на ступеньках силуэт Китон, я быстро отворачиваюсь и утираю щеки. Некоторое время Китон присматривается ко мне, но вот наконец выражение ее лица смягчается. Она быстро

подходит, ее охотничья форма поблескивает в скудном свете кристаллов. На черном фоне куртки блестит белый жетон механика.

— Вечно ты, когда расстроен, куда-нибудь сбегаешь, — мягко произносит она. — Обычно на палубу, но сегодня тебя могут увидеть в подзорную трубу с борта «Секуриса». Я права?

— Давай не сейчас, Китон. Мне нужно связаться с королем.

Она не уходит, упрямо скрестив на груди руки в закатанных рукавах. На плечи ей ниспадают черные косички дредов.

— Ты никогда с ним не связываешься, — замечает Китон.

— Он должен знать о тортоне.

Китон упирает одну руку в бок.

— Ладно. Ну так расскажи ему. Я подожду.

Я молчу.

— Чего тянешь? — спрашивает она.

Я по-прежнему молчу.

Китон со вздохом опускается рядом. Мало кто смеет говорить со мной так фамильярно, но нас связывает крепкая дружба. Когда мы только взошли на борт «Гладиана» перед началом Состязания, то оба стремились заполучить капитанское место и были соперниками. Однако потом я спас Китон жизнь, и во время атаки Нижнего мира она вернула долг.

Именно по дружбе она согласилась остаться механиком, когда Брайс заняла место квартирмейстера. При этом обе, конечно же, получают равную плату, как и прочие члены команды. У меня такой пунктик: всему экипажу достается процент моего личного куша, чтобы у каждого был равный заработок. Никто не в обиде.

Может, это и нарушает устои меритократии, но мне плевать. Не хочу, чтобы друзья разбежались по другим кораблям. Все они важны для меня.

Прижавшись ко мне теплым плечом, Китон поднимает взгляд. Неприятно осознавать, что она видит меня насквозь, что легко угадывает все мои слабости за суровым, мужественным фасадом, а потом не боится на них указывать.